

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Института лингвистических исследований

Российской академии наук

доктор филологических наук,

профессор, член-корреспондент

Российской академии наук

Е. В. Головкин

ОТЗЫВ

ведущей организации

о диссертации Кирилла Николаевича Прохорова

«Морфосинтаксис языка момбо в типологической перспективе»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук по специальности

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование Кирилла Николаевича Прохорова представляет собой детальное типологически ориентированное описание фонологии и грамматики языка момбо, основанное на собственной полевой работе автора. Язык момбо относится к западной ветви языковой семьи догон (Западная Африка), которая многими африканистами включается в состав макро-семьи нигер-конго. Это первое грамматическое описание момбо; до появления работ автора публикации по данному языку практически ограничивались лишь списками слов. Уже одно это не оставляет пространства для сомнений ни в актуальности темы диссертации, ни в ее научной новизне.

Диссертация состоит из введения, семи глав и заключения.

Во введении кратко, но чётко и убедительно обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, очерчиваются предмет изучения, круг задач исследования и список выносимых на защиту положений, описываются используемые методы исследования и представления материала.

В первой главе «Общие сведения о языке момбо» представлена информация о генетической принадлежности, диалектном членении, ареале распространения, социолингвистической ситуации языка момбо и культуре его носителей. Последний раздел, самый обширный, посвящен звуковому строю языка, от инвентаря фонем и способов их фонетической реализации до фонотактики, структуры слога и системы тонов. Автор детально и скрупулёзно разобрался в тонологии момбо, которая сложным и нетривиальным образом взаимодействует с одной стороны, с метрической структурой, а с другой — с грамматическим маркированием.

Во второй главе «Именное словоизменение и словообразование» освещаются маркирование множественного числа, основные именные деривации (суффиксы *nomina agentis*, *nomina actionis*, абстрактных существительных и др.), а также местоимения (личные, логофорические, вопросительные и указательные), прилагательные и числительные. На основании ряда синтаксических тестов автор обосновывает наличие в момбо закрытого класса прилагательных, противопоставленных по своим свойствам существительным, качественным глаголам и признаковым наречиям.

Глава третья «Формы глагольных основ и глагольное словообразование» описывает метрическую структуру, тоновые мелодии и морфонологию одно-, двух- и многосложных глагольных основ, после чего знакомит читателя с глагольными деривациями: реверсивом на *-IV*, тремя каузативами, бенефактивом на *-rV* (и конкурирующей с ним глагольной конструкцией), инхоативом/медипассивом на *-yV/-yV:*.

В четвёртой главе «Глагольное словоизменение» представлена морфология глагола в момбо, сложным образом комбинирующая тональные и сегментные средства. В момбо представлены четыре глагольные серии (спряжения): нейтральная, субъектная, объектная и предикативная, — используемые в зависимости от фокализации той или иной составляющей и различающиеся способом маркирования лица/числа подлежащего (примечательно, что соответствие между четырьмя сериями и четырьмя выделяемыми схемами субъектного согласования не является взаимно-однозначным) и некоторых категорий сферы ТАМ. Видо-временная система насчитывает две перфективные (собственно перфектив и экспириенциальный перфект) и две имперфективные (собственно имперфектив и проспектив) граммемы; ретроспективный сдвиг и актуализация выражаются клитиками. Наклонения представлены потенциалисом (выражающим значения как

эпистемической, так и деонтической возможности), императивом ед. и мн. ч. и гортативом. Все видо-временные граммы и потенциалис различают четыре глагольные серии. Кроме того, у всех форм глагола есть отрицательные корреляты, часто несимметричные. Таким образом, даже без учёта клитик глагольная парадигма насчитывает не менее 246 форм. Также в этой главе описывается противопоставление активных и стивных глаголов.

В весьма краткой пятой главе «Простое предложение» рассматриваются порядок слов в фокусно-нейтральной конструкции, падежные энклитики, валентностные классы глаголов, дифференциальное маркирование прямого объекта, конструкция идентификации с клитизируемой связкой.

Проблематика шестой главы «Синтаксис именной группы» охватывает различные компоненты именной группы, относительный порядок их следования, степень их отделимости и возможность безвершинного употребления, тональное маркирование отношений между ними. Описывается морфосинтаксис атрибутивных и посессивных конструкций, групп с числительными, демонстративами и маркерами референциального статуса и т.д. Автор трактует тональные изменения внутри именной группы как супraseгментное маркирование различных видов изафета — посессивного, атрибутивного, и т.п. В отличие от некоторых других языков догон, в момбо отсутствуют сегментные средства кодирования синтаксических отношений внутри именной группы, такие как генитив или именование согласование, что делает описанный в этой главе фрагмент морфосинтаксиса крайне интересным с типологической точки зрения.

Последняя седьмая глава «Фокусные, топик и относительные предложения» [sic] состоит из трёх разделов. В 7.1 рассматриваются стратегии фокализации различных элементов предложения, в различной степени задействующие сегментные показатели, порядок слов и глагольную морфологию (выбор серии). В 7.2 описывается конструкция с выносом топика. Раздел 7.3 посвящен относительным клаузам, которые по своему морфосинтаксическому устройству проявляют сходство как с атрибутивными именными группами, так и с фокусными конструкциями. Синтаксическая позиция мишени релятивизации кодируется при помощи выбора глагольной серии, субъектной или объектной. Выделяются четыре стратегии релятивизации: с пробелом, с резумптивным генерическим именем, с внутренней вершиной и безвершинные. Особый интерес представляют конструкции третьего типа, в которых вершина, линейно располагающаяся

внутри относительной клаузы, тем не менее получает низкотоновый контур, соответствующий атрибутивному изафету. Для релятивных конструкций в других языках догон Дж. Хитом и Л. Мак-Ферсон ранее был предложен анализ в терминах правого передвижения. К. Н. Прохоров отвергает применимость какой-либо версии такого анализа к данным момбо и предлагает собственное решение, в рамках которого вершина копируется влево из относительной клаузы, после чего происходит перенос морфосинтаксических признаков (атрибутивного изафета) с верхней копии на нижнюю. Как признаёт сам автор, детальное описание последнего синтаксического механизма остаётся делом будущего.

В заключении суммируются полученные в ходе исследования результаты.

Высокий уровень проделанной работы и ценность полученных результатов не вызывают сомнений. Представленная диссертация содержит подробный и добросовестный анализ разносторонних явлений, относящихся к различным уровням грамматики малоизученного языка, значительная часть сведений о котором в данной работе впервые вводится в научный оборот. Фактически автор выступает здесь как квалифицированный специалист и по фонологии (включая такой сложный и спорный её раздел, как тонология), и по морфонологии, и по морфологии, и по формальному синтаксису, не говоря уже о владении полевыми методами и блестящей догматоведческой компетенции. Описание всех рассматриваемых явлений выполнено на современном теоретическом уровне, с вниманием к деталям, и сопровождается множеством пронизательных наблюдений, в том числе по поводу идиосинкразических свойств отдельных лексических единиц.

Подобные высококвалифицированные описательные работы, вводящие данные малоизученных языков, относятся к редкому, но крайне востребованному жанру, значение которого для типологии и теории языка сложно переоценить. Именно они поставляют новый языковой материал, часто не укладывающийся в стандартные ожидания, на котором верифицируются и типологические обобщения, и теоретические построения. Как демонстрирует К. Н. Прохоров, язык момбо обладает многими типологически нетривиальными чертами, некоторые из которых предлагают перспективный полигон для тестирования фонологических, морфологических и синтаксических теорий. Прежде всего здесь можно упомянуть взаимодействие системы тонов с метрической структурой, тональное маркирование синтаксических отношений в именной группе и отдельных

грамматических категорий глагола, использование сегментной глагольной морфологии для маркирования фокуса, нетривиальный морфосинтаксис относительных клауз с внутренней вершиной. Широкое использование тонов для выражения синтаксических отношений составляет проблему для традиционных теорий языковых интерфейсов, рассматривающих синтаксис и фонологию как автономные модули, ограниченно взаимодействующие друг с другом.

Исследование К. Н. Прохорова выполнено в рамках амбициозного проекта по документации языков догон, ведущегося под руководством Дж. Хита. Таким образом, не приходится сомневаться в том, что собранные автором данные в дальнейшем будут востребованы для сопоставительной работы как в рамках традиционного сравнительно-исторического языкознания, так и в рамках активно развивающейся в настоящее время внутригенетической типологии. При большом количестве вполне ожидаемых сходств, момбо демонстрирует и множество интересных черт, отличающих его от ранее описанных языков догон. Так, например, бросается в глаза, что в момбо, как и в дьямсай и томмо-со, существительные характеризуются наибольшим тональным разнообразием, в то время как лексические тональные мелодии глаголов ограничены. Однако если в последних двух языках глаголам могут быть присущи мелодии /H/ и /LH/, то в момбо — /H/ и /HL/, причём выбор мелодии целиком определяется морфической структурой основы и не зависит от её начального сегмента. Представленные в диссертации данные содержат в себе огромное количество интересных вопросов, ключ к решению которых, как кажется, лежит в сопоставительной работе и постепенном движении к реконструкции праязыкового состояния. Можно ли возвести суффикс отрицательного экспериментивного перфекта *-téndi* к сочетанию показателя экспериментивного перфекта *-tɛ:ɣⁿɛ* и маркера отрицания *-li*? Почему суффикс инхотатива не присоединяется к неизменяемым переходным основам, однако сочетается с каузативными дериватами? Подобных захватывающих сюжетов между строк диссертации скрываются десятки.

При несомненных достоинствах содержательной стороны исследования, следует отметить некоторые формальные недостатки. Текст диссертации плохо вычитан и недружелюбен по отношению к читателю. Работа содержит большое количество опечаток (в том числе, увы, в примерах), пропусков слов (включая частицу *ne*), грамматических и

пунктуационных ошибок, стилистически неудачных формулировок, огрехов оформления (так, например, таблица глайдов на с. 35–36 и таблица, иллюстрирующая полисемию каузативных дериватов, на с. 120–121 не имеют номеров и заголовков; в Таблице 6 (с. 36–37), сводящей данные по дистрибуции согласных, пропущена фонема *ŋ*; постпозитивные посессивные местоимения кодируются непоследовательно: то как P.3SG (с. 75, 123), то как POSS.3SG, (с. 184), то как 3SG.POSS. (с. 147)). В некоторых случаях допущенные по невнимательности ошибки затемняют или искажают смысл, вкладывавшийся автором в ту или иную формулировку, так что читателю приходится самостоятельно восстанавливать его на основании материала, представленного в других местах диссертации. Последовательность изложения также временами вызывает вопросы. Так, несколько сбивает с толку несоответствие перечня возможных типов слогов в 1.5.7. (с. 52) ранее установленным ограничениям на консонантные кластеры: почему не выделяется тип NCLV? и не следует ли, в связи с тем, что уже известно про тоновые мелодии, развести начальные и неначальные NCV по разным типам? Можно заподозрить, что автор считает интервокальные кластеры вида NC отдельными фонемами, и это предположение подтверждается, но только после прочтения заключительного подраздела 1.5.9 на с. 55–59. Личные местоимения «эмфатической серии» описываются в разделе 2.7.1. (с. 74–77), однако примеры на их употребление в субъектной позиции приводятся только в разделах 7.1–7.2, посвящённых средствам кодирования фокуса и топика (с. 243 и далее). Тем не менее, несмотря на все перечисленные недостатки, текст даёт вполне адекватное представление о результатах проведённого исследования, высокий уровень и научная ценность которых не вызывают сомнений.

Не фокусируясь далее на подобных мелочах, которые можно было бы легко исправить при более внимательной вычитке текста, позволю себе высказать несколько более содержательных замечаний — в основном, в порядке дискуссии или пожеланий для дальнейшей работы.

Досадной лакуной выглядит то, что в разделе о фонологии специально не поднимается такой важный и интересный вопрос, как порядок действия постулируемых фонологических правил. Он вскользь затрагивается ниже, в главе о глагольном словообразовании, где при обсуждении форм инхоатива от некоторых основ автор

приходит к выводу о том, что пресуффиксальная синкопа предшествует приписыванию тоновой мелодии (с. 125). Хочется надеяться на более систематическое рассмотрение этого вопроса в будущем, тем более что исходных данных для анализа собрано, как кажется, достаточно много.

Также в разделе о фонологии никак не описывается феномен (интонационного?) конечного удлинения, который упоминается ниже (с. 89) у некоторых адъективных наречий и встречается в примере (495) на с. 235–236. (Используемый для его обозначения символ => в тексте работы также иногда непоследовательно употребляется вместо →).

Выглядит несколько избыточным выделение личных местоимений в «эмфатическую серию», учитывая, что других свободных личных местоимений в языке нет. Возможно, на терминологическое решение автора тут повлияла мандеистическая традиция.

В том же разделе об именной морфологии можно было бы уделить специальный подраздел такой части речи, как послелого. Отрывочные сведения о них содержатся в разных местах главы о структуре именной группы, а их употребление почти не проиллюстрировано в тексте диссертации. При этом на с. 164 автор пишет: «Как видно, падежные показатели обладают фонетической формой не свойственной ни знаменательным словам, ни послелогам» [sic], однако читателю последнего совсем не видно, т.к. он(а) не может ниоткуда знать, какая фонетическая форма свойственна послелогам.

В фокусе внимания автора находится фонологическая, морфологическая и в несколько меньшей степени синтаксическая проблематика, в то время как семантике выделяемых морфологических категорий уделен, так сказать, необходимый минимум места (а в подразделе о гортативе, например, семантика данного склонения вообще никак не обсуждается). Это понятно и естественно, учитывая объективные сложности изучения семантики в поле и то, что за такое исследование стоит приниматься уже после того, как распутаны головоломки морфосинтаксиса, которым как раз и посвящена данная диссертация. Однако в будущем хотелось бы увидеть более детальные исследования грамматической семантики момбо.

На с. 164 отмечается, что падежные энклитики по своему фонетическому облику «заточены» под присоединение к основам с конечным гласным. Однако поскольку именные основы с исходом на L и N в языке редки, но существуют (*bôu* ‘ключ’, *bâu* ‘большой’, *tɔŋ*

‘измерение’), интересно, как разрешается фонотактический конфликт в таком случае. Для случая клитики-связки =wo/=la ниже (с. 172–173) описывается эпентеза *i/i'* после *y/y'*, но для падежных показателей и таких данных нет.

На с. 179 описывается крайне интересное использование тона для различения ближнего и дальнего дейксиса. Далее обсуждаются тональные паттерны в цепочках вида «существительное + прилагательное + демонстратив», но по изложению и примерам остаётся не вполне понятным, служит ли выбор тонального контура прилагательного (высокотоновый vs. лексический) в таких последовательностях для выражения дейктического различия или же подлежит свободному варьированию.

В разделе 7.3 об относительных конструкциях (с.) мне не удалось найти информации о том, какие синтаксические позиции способны служить мишенью релятивизации. В тексте присутствуют примеры на релятивизацию субъекта, прямого объекта, непрямого объекта (если в момбо можно считать таковым реципиента) и локатива (точнее, конечного пункта движения).

Все вышеприведённые замечания ни в коем случае не влияют на общую высокую оценку работы.

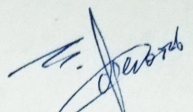
Диссертация Кирилла Николаевича Прохорова «Морфосинтаксис языка момбо в типологической перспективе» удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, соответствует пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ №842 от 24.09.2013 (в ред. от 11.09.2021), и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение как для африканистики и догоноведения в частности, так и для теоретического и типологического языкознания. Автор диссертации, Кирилл Николаевич Прохоров, заслуживает присвоения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Основные положения диссертации полностью отражены в автореферате и в публикациях автора.

Отзыв составлен младшим научным сотрудником Лаборатории типологического изучения языков Дмитрием Валентиновичем Герасимовым. Отзыв обсуждён и утверждён

на заседании Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, протокол № 2 от 17 мая 2022 г. (принято единогласно).

Учёный секретарь Лаборатории типологического изучения языков
ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН,

М. И. Федотов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований РАН; Российская Федерация, 199053 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9., тел. +7(812)328-16-12, iliran@mail.ru

Подпись
удостоверен
ст. референт или

Начальник
отдела кадров